

К.Г. Юнг

О сущности сновидений

Медицинская психология выделяется из прочих естественнонаучных дисциплин прежде всего тем, что она должна разбираться с самыми комплексными проблемами, будучи лишенной при этом возможности опираться на гарантированное устроение опыта, экспериментальные серии и доступную логическому анализу совокупность фактов. Напротив, она видит несчетное количество постоянно изменяющихся, иррациональных и противопоставляемых друг другу данностей; ведь душа — самое непроницаемое и самое заветное образование из тех, которыми только занималась научная мысль. Необходимо, правда, признать, что все психические явления все же находятся в отношении каузального следования в самом широком смысле слова, хотя именно здесь стоило бы принять во внимание, что каузальность в конечном счете есть лишь статистическая правда. Посему, вероятно, в некоторых случаях вполне было бы уместным по крайней мере оставить отворенной дверь для некой, может быть, абсолютной иррациональности, даже если — уже из эвристических соображений — и поднимается прежде всего и всегда вопрос о каузальности. Также было бы недурно, если бы уже при данной постановке вопроса приняли по крайней мере в расчет одно из классических разделений понятия, а именно: разделение на *cause efficiens* и *cause finalis*. При психологических обстоятельствах вопрос: "Почему это произошло?" — вовсе не обязательно является более плодотворным, чем другой вопрос: "Для чего это произошло?"

Среди многих проблем медицинской психологии существует дитя, доставляющее немало хлопот, это — сновидение.

Обсуждать сновидение исключительно в его медицинском аспекте, а именно, соотносительно с диагнозом и прогнозом болезненных состояний, было бы, верно, сколь интересной, столь и трудной задачей. Сновидение фактически занимается здоровьем и болезнью, а поскольку оно черпает все это — вследствие своего бессознательного происхождения — из подпороговых восприятий, то оно может иногда продуцировать весьма ценные для познания вещи. Часто оно служило мне подмогой в тех случаях, когда было трудно поставить дифференцированный диагноз при органических и психогенных симптомах. Некоторые сновидения необыкновенно значимы и для прогноза¹. И все же в этой области отсутствуют необходимые наработки, такие, как тщательно собранная коллекция реальных случаев из практики и многое тому подобное. Но это задача будущего; психологически обученные врачи должны систематически протоколировать сновидения, тогда мы имели бы возможность получить такой материал сновидений, который можно было бы соотнести со вспышкой острого и опасного для жизни заболевания (наступившего позднее) или даже с летальным исходом, т. е. с событиями, которые на момент составления протоколов нельзя было предвидеть. Исследования сновидений в целом — работа на всю жизнь. Для разработки теории сновидений требуется сотрудничество многих. Поэтому в этом кратком обзоре я предпочел так изложить фундаментальные аспекты психологии сновидений и их интерпретации, чтобы даже человек, несведущий в данной области, сумел бы составить себе представление о том, как происходит постановка вопроса и в чем суть методики. Тот, кто хорошо знаком с этой материей, конечно, согласится со мной, что знание основополагающих принципов много важнее, чем нагромождение казуистических данных, которые все же не в состоянии заменить недостающего опыта.

¹См. мою статью [Jung]. "Die praktische Verwendbarkeit der Traumanalyse".

Сновидение — это кусочек **непроизвольной** психической деятельности, в которой осознанности ровно столько, чтобы репродуцироваться в момент пробуждения. Среди прочих душевных явлений сновидение поставляет, вероятно, больше всего

"иррациональных" данностей. Кажется, что ему отпущен минимум той логической связанности и иерархии значения, которые демонстрируют прочие содержания сознания; и поэтому сновидение менее всего проницаемо и постижимо. Сновидения, удовлетворительно скомбинированные (логически ли, морально или эстетически), относятся как раз к исключениям. Как правило, сновидение — странное и чуждое образование, которое характеризуется многими "скверными свойствами", такими, как отсутствие логики, сомнительная мораль, некрасивое обличье, очевидная парадоксальность или даже бессмыслица. Поэтому его охотно бичуют как глупое, бессмысленное и малоценное.

Всякое толкование сновидения — это психологическое высказывание по поводу некоторых душевных содержаний сновидения. Посему толкование вовсе не является безопасным, ведь сновидец, как правило (впрочем, как большинство людей), часто высказывает просто изумительную восприимчивость, и не только к неверным, но прежде всего к правильным замечаниям. Хотя и возможно перерабатывать сновидение без соучастия самого сновидца, но делать это можно только при совершенно определенных предпосылках, так как требуется, по большей части, прямо-таки невероятное усилие для того, чтобы оставаться тактичным и не задеть без надобности чужое чувство собственного достоинства. Что, к примеру, скажешь, если пациент рассказывает вереницу отнюдь нескромных и непристойных сновидений, а затем вплетает вопрос: "Почему у **меня** такие откровенно гнусные сновидения?" На подобный вопрос лучше не давать никакого ответа, потому что на него — по многим причинам трудно ответить и как раз новичку (только что приступившему к анализу); в подобных ситуациях слишком легко говорится что-то нескладное и неловкое, и именно тогда, когда ошибочно полагают, что сумели ответить на вопрос. Понимание сновидения — дело, столь трудное, что я уже давным-давно взял себе за правило: если мне кто-либо рассказывает сновидение и спрашивает моего мнения, то я прежде всего говорю себе самому: "У меня нет никаких предчувствий относительно того, что означает данное сновидение". Только после этой констатации я могу приступить к исследованию сновидения.

Здесь у читателя, конечно же, возникает вопрос: стоит ли вообще выискивать смысл сновидения в каждом конкретном случае, исходя из предположения, что сновидения вообще имеют некий смысл и что его в общем и целом можно подтвердить и обнаружить.

То, что, к примеру, животное является позвоничным, легко может быть доказано путем обнаружения позвоночника. Как, однако, должно поступить для того, чтобы "обнаружить" внутреннюю, полную смысла структуру сновидения? Поначалу кажется, что у сновидения вообще нет никаких однозначных законов формы и вообще никаких закономерных способов поведения, несмотря на хорошо известные всем "типичные" сновидения, каковыми, к примеру, являются сновидения о домовых, кобольдах и леших. Устрашающие сновидения и вправду вовсе не редкость, но они никоим образом не составляют правила. Наряду с этим имеются **типичные** мотивы сновидений, которые известны даже дилетантам в этой области; например, полет, восхождение по лестнице или подъем на гору, расхаживание в неглиже, выпадение зуба, толпа народа, гостиница, вокзал, железная дорога, самолет автомобиль, пугающие животные (змея) и т. д. Эти мотивы воистину очень часты, однако они ни в коем разе не годятся для того, чтобы можно было прийти к заключению относительно какой-то закономерности в сновидениях.

Некоторые люди время от времени видят один и тот же сон. Это происходит именно в юношеском возрасте; иногда, однако, такое повторение простирается на многие десятилетия. При этом нередко речь идет о чрезвычайно впечатляющих сновидениях, после которых остается безусловное чувство, что "они что-то да значат". Это чувство вполне правомочно, ибо даже при величайшей предосторожности не удастся миновать предположения, что время от времени наступает определенная психическая ситуация, вызывающая данное сновидение. "Психическая ситуация" есть нечто, что, если это удастся сформулировать, идентично определенному **смыслу** (разумеется, только в том случае, если не настаивают на абсолютно недоказуемой гипотезе, будто все сновидения можно вывести из зова желудка, положения на спине во время сна и многого тому подобного). На самом деле такие сновидения наводят на

мысль, что следует по крайней мере допустить что-то вроде каузального смыслового содержания. То же самое верно и в отношении так называемых типичных мотивов, которые многократно повторяются в длинных сериях сновидений. Здесь также трудно отделаться от впечатления, что "под этим что-то подразумевается".

Однако как нам добиться убедительного и внятного смысла, как можно затем подтвердить верность своих выкладок? Первая, разумеется, ненаучная, метода состоит в том, что с помощью сонника можно было бы дать пророчества о грядущих событиях и затем, если они в последующем наступают, верифицировать данное толкование (исходя из предположения, что смысл сновидения состоит в том, чтобы антиципировать будущее).

Иная возможность — напрямую указать на смысл сновидения и документально доказать его — состоит, вероятно, в том, что (ограничившись только минувшим) реконструируются более ранние переживания из факта появления определенных мотивов. Хотя это в ограниченной мере и возможно, однако решающее значение оно имело бы только тогда, когда тем самым можно было бы разузнать нечто, фактически имевшее место ранее (до сновидения), но остававшееся для сновидца бессознательным, во всяком случае нечто, о чем сновидец ни при каких обстоятельствах не хотел бы проболтаться. Если оба эти условия не соблюдаются, то речь идет только об образе воспоминания, появление которого в сновидении, во-первых, никем не оспаривается, и который, во-вторых, крайне незначителен касательно смысловой функции сновидения, иначе сновидец с равным успехом сумел бы сознательно информировать нас о том же самом. К сожалению, этим исчерпываются возможности прямого доказательства смысла сновидения.

Фрейд при изучении сновидений напал на верный след, и в этом его великая заслуга¹. Прежде всего он признал, что без сновидца мы не можем браться за толкование. Слова, которые составляют отчет о сновидении, имеют не **один-единственный** смысл, они — многозначны. Если, к примеру, снится кому-то стол, то долгое время остается неизвестным, что означает этот "стол" сновидца, хотя слово "стол" кажется достаточно недвусмысленным. Ведь мы же и вправду не знаем, что "этот стол" есть именно тот самый стол, за которым сидел и ел его отец, когда он отказал сновидцу в какой бы то ни было дальнейшей финансовой помощи, вышвырнув последнего из дому как бездельника. Белая поверхность "этого стола" застыла в его сознании того дня, как, впрочем, и в сновидении этой ночи, как символ его катастрофической негодности. Это как раз то, что наш сновидец понимает под "столом". Поэтому нам необходима помощь сновидца, чтобы ограничить себя при толковании всего многообразия слов чем-то существенным и убедительным. Тот, кто при сем не присутствовал, может сомневаться, что этот стол характеризует некий мучительный поворотный пункт в жизни сновидца. Однако сновидец, как и я, в этом несколько не сомневается. Ясно, что толкование сновидения прежде всего есть переживание, которое поначалу является несомненно установленным только для двух лиц.

¹Cp.: Traumdeutung.

Итак, если мы приходим к констатации того, что стол в сновидении означает именно тот самый фатальный стол (со всем тем, что с ним связано), тогда мы растолковали если не все сновидение, то, по крайней мере, его существенный отдельный мотив, другими словами, мы узнали, что имеется в виду под словом "стол" в субъективном контексте.

Мы пришли к этому результату, используя технику расспрашивания о наитиях сновидца. Последующие процедуры, которым Фрейд подвергает содержание сновидения, я должен, разумеется, отклонить, потому что они исходят из совершенно предвзятого мнения, будто сновидения суть исполнения "вытесненных желаний". Хотя и бывают такие сновидения, но это все же далеко не достаточные аргументы в пользу понимания всех сновидений как исполнения желаний; точно так же это не может служить доказательством тому, что все помыслы сознательной жизни души — суть исполнения желаний. Ведь нет совершенно никакого основания предполагать, что бессознательные процессы, лежащие в основе сновидений, являются по форме и по содержанию куда более ограниченными и однозначными, чем процессы сознания. Скорее можно было бы предположить это о

помянутых содержаниях сознания, будто они могут ограничиваться известными типами, так как отображают закономерность или даже монотонию сознательного образа жизни.

Для того чтобы установить смысл сновидения, я разработал (на основе прокомментированного выше) методический прием, названный **инвентаризацией контекста**, который состоит в том, что для каждой примечательной детали сновидения при помощи **наитий сновидца** устанавливается, в каком нюансе значения она представляется этому сновидцу. Итак, я применяю здесь прием, который используется при дешифровке трудночитаемого текста. Эта техника вовсе не всегда имеет своим результатом внятный текст, но зачастую лишь что-то вроде намека (кажущегося крайне значимым) на несметные возможности. Однажды я лечил молодого человека, который в анамнезе сообщил мне, что он счастливо обручен с девушкой из "хорошей" семьи. В сновидениях же ее облик часто появлялся в весьма невыгодном свете. Из контекста следовало, что бессознательное сновидца комбинировало с обликом невесты всяческие скандальные истории из совершенно другого источника, что ему было совершенно непонятно, впрочем, как и мне. Из постоянного повторения таких комбинаций я, однако, заключил, что, несмотря на его сознательное противление, все же складывается некая бессознательная тенденция, которая пытается выставить невесту в таком двусмысленном свете. Пациент сказал мне, что если бы на самом деле это было так, то для него это означало бы катастрофу. Обострение его невроза наступило спустя некоторое время после помолвки. Подозрительность в отношении невесты, несмотря на всю немыслимость этого, показалась мне пунктом такой первостепенной важности, что я присоветовал установить за ней наблюдение. Оно доказало, что подозрение было вполне оправданным, но "шок" от столь нерадостного открытия не только не погубил пациента, но излечил его от невроза, а также от невесты. Хотя инвентаризация контекста давала "немыслицу" и приводила тем самым к толкованию сновидения, кажущемуся безумным, но все же это толкование оказалось верным в свете открытых в последующем фактов. Этот случай — пример простоты. Излишне подчеркивать, что совсем немного сновидений отыскивают столь простое разрешение.

Составление описи контекста, разумеется, простая, чуть ли не механическая работа, которая имеет только подготовительное значение. Следующая за этим реставрация или изготовление читабельного текста, т. е. собственно интерпретация сновидения, является, как правило, задачей, предъявляющей высокие требования. Она предполагает психологическое вчувствование, комбинаторную способность, интуицию, познания человека и мира, но прежде всего — некое специфическое знание, которое в равной мере имеет в виду как обширную эрудицию, так и определенный "intelligence du coeur". Все эти предпосылки, включая более всего последние, важны в искусстве медицинской диагностики вообще. Для умения понять сновидения требуется не одна шестая часть чувства. Нужно нечто большее, чем бездуховная схема, каковую мы обнаруживаем в вульгарных сонниках или которая почти всегда развивается под влиянием предвзятого мнения. Стереотипное раскладывание мотивов сновидения абсолютно неприемлемо и от него следует напрочь отказаться; право на существование имеют только специфические значения, выисканные посредством тщательной инвентаризации контекста. Если даже некто обладает большим опытом в данной области, то ему также необходимо всегда и неизменно перед каждым сновидением признаваться самому себе в своем полном неведении и настраивать себя на нечто совершенно неожиданное, отвергая все предвзятые мнения.

Насколько сновидения относятся к определенному своеобразному сознанию и к определенной душевной ситуации, настолько же глубоко лежат их корни за неведомыми темными кулисами феноменов сознания. Мы называем эти кулисы, или этот фон (за неимением иного характеристического выражения), **бессознательным**. Мы ничего не знаем о его сущности в себе и для себя, а наблюдаем только определенные воздействия, из стечения и свойств которых мы дерзаем делать определенные апостериорные выводы о природе бессознательной психики. Так как сновидение есть необыкновенно частотное и нормальное проявление бессознательной психики, то, по большей части, оно и поставляет

опытный материал для изучения бессознательного.

Так как смысл большинства сновидений не совпадает с тенденциями сознания, но выказывает своеобразные от него отклонения, то мы обязаны допустить, что бессознательное, или матрица сновидений, имеет некую самостоятельную функцию. Я называю это **автономией бессознательного**. Сновидение не только не повинует нашей воле, но зачастую стоит прямо-таки в резкой оппозиции к намерениям сознания. Это противоречие, однако, отнюдь не всегда отчеканено столь определенно; по временам сновидение может отклоняться от сознательной установки или тенденции на самую малость и выдавать нам модификации этой установки, иногда оно даже может вполне смыкаться с содержанием и тенденцией сознания. Для того чтобы сформулировать это поведение, я предложил единственно возможное понятие — понятие **компенсации**, которому лишь одному по силам непротиворечиво резюмировать, как мне кажется, все способы поведения сновидения. Компенсацию следует строго отделять от **комплементирования**. "Комплемент" — слишком ограниченное и слишком ограничивающее понятие, которое не годится для того, чтобы подходящим образом объяснить функцию сновидения, так как это понятие характеризует, так сказать, принудительное отношение дополнения¹. Компенсация же, напротив, как свидетельствует термин, есть некоторое сличение и сравнение различных данных и точек зрения, благодаря чему возникает выравнивание или исправление.

¹Этим вовсе не оспаривается сам принцип комплементарное^{TM}. Понятие компенсации означает лишь психологическое уточнение того же самого.

В этом отношении существуют три возможности. Если установка сознания касательно жизненной ситуации является крайне односторонней, то сновидение принимает противоположную позицию. Если сознание занимает положение, приближенное более или менее к "середине", то сновидение довольствуется вариантами. Если же положение сознания "правильное" (адекватное), то сновидение полностью смыкается, подчеркивая одновременно свои собственные тенденции, иначе потерялась бы его своеобразная автономия. Поскольку мы никогда не можем с уверенностью знать, как следует оценивать сознательную ситуацию того или иного пациента, то изначально исключается толкование сновидения без расспросов сновидца. Но даже если мы осведомлены о сознательной ситуации, то нам еще, несмотря на это, ничего неведомо о позиции бессознательного. Так как бессознательное является матрицей не только сновидений, но и психогенных симптомов, вопрос о позиции бессознательного приобретает особую практическую важность. Ведь бессознательное (нисколько не горюя о том, ощущаю ли я и другие вместе со мной мою сознательную установку как верную) может, так сказать, "быть другого мнения". Последнее совершенно не безразлично, и именно в случае невроза, поскольку всецело в руках бессознательного вызывать всевозможные досадные нарушения посредством ошибочных действий (зачастую имеющих плохие последствия) или порождать невротические симптомы. Подобные нарушения покоятся на несогласованности "осознаваемого" и "неосознаваемого". "В случае нормы", видимо, налицо подобная согласованность. Фактически такая согласованность существует совсем нечасто, и это является причиной необозримого множества психогенных непереносимостей — от тяжелых несчастных случаев и болезни до безобидной *lapsus lingae*. Фрейд указал на эти взаимосвязи, и в том его заслуга¹.

¹Cp. Zur Psychopathologie des Alltagslebens.

Хотя в подавляющем большинстве случаев компенсация нацелена на реставрацию нормального душевного равновесия и таким образом оказывается чем-то вроде самоуправления психической системы, все же нельзя ограничиться только признанием этого факта, потому что при определенных условиях и в известных случаях (например, при латентных психозах) компенсация ведет к фатальному исходу (перевешивают деструктивные тенденции!), к примеру, к самоубийству или другим аномальным поступкам, которые "зарегистрированы" в биографии некоторых, угнетенных проблемами, индивидов.

При лечении неврозов стоит задача по восстановлению в общих чертах гармонии

между "осознаваемым" и "неосознаваемым". Как известно, это может происходить самыми разнообразными способами, начиная с организации "естественного способа жизни", убеждений со стороны разума, усилий воли и вплоть до "анализа бессознательного".

Если упрощенные методы очень часто дают осечку, и когда врач уже более не знает, как же следует лечить пациента дальше, то компенсаторная функция сновидения предлагает желанную помощь. Конечно же, не бывает такого, чтобы сновидения современных людей свидетельствовали о некоем подходящем средстве исцеления (как сообщается об инкубационных сновидениях, которые снились в храмах Аск-лепия²); однако сновидения высвечивают ситуацию пациента таким образом и таким способом, что это может способствовать здоровью даже помимо прямого свидетельства. Они приносят воспоминания, прозорливость, переживания, которые пробуждают в спящем личность и открывают бессознательное так, что тот, кто без усталости перерабатывает в течение долгого времени свои сновидения под компетентной опекой психотерапевта, редко остается без обогащения и расширения своего горизонта. Именно благодаря этому компенсаторному поведению анализ сновидений позволяет — если он проводится последовательно — сделать доступным и уяснить новые точки зрения, он открывает новые пути, которые помогают преодолеть устрашающий застой и вывести из него.

2Ср. С. А. Meier. " Antike Inkubation und moderne Psychotherapie".

При помощи понятия компенсации функция сновидения, разумеется, характеризуется лишь в самом общем виде. Если же удастся окинуть взором серии сновидений, охватывающие более нескольких сотен, как это имеет место при длительном и трудном лечении, то у наблюдателя невольно вырисовывается феномен, который в случае единичного сновидения оставался сокрытым за соответствующей компенсацией. Это что-то вроде процесса развития, происходящего в личности. Поначалу компенсации представляются в виде соответствующего выравнивания односторонностей или как балансировка нарушенных равновесий. Однако при более глубоком постижении и по мере нарастания опыта эти кажущиеся одноразовыми акты компенсации организуются в нечто, напоминающее план. Кажется, что они взаимно связаны между собой и соподчинены какой-то общей цели в более глубоком смысле, так что теперь длинная серия сновидений представляется уже не бессмысленным нанизыванием и чередой событий, некогерентных и одноразовых, а процессом развития и упорядочения, который протекает планомерно, ступень за ступенью. Я обозначил это бессознательное течение, спонтанно проявляющееся в символике длинной серии сновидений, как **процесс индивидуации**.

Здесь было бы самое место привести поясняющие примеры, в которых бы изображался наш способ трактовки и обработки сновидений. К сожалению, однако, это совершенно невозможно по техническим причинам. Посему я отсылаю к своей книге "Психология и алхимия", которая среди прочего содержит исследования структуры серии сновидений, уделяя при этом особое внимание процессу индивидуации.

Вопрос о том, можно ли распознать что-то вроде хода развития, указывающего на индивидуацию, также и в длинной серии сновидений, полученных вне аналитической процедуры, остается — за неимением соответствующих разысканий — пока еще совершенно неясным. Именно из-за того, что аналитическая процедура включает в себя систематический анализ сновидений, она означает "process of quickened maturation", как когда-то метко заметил Стэнли Холл. Поэтому вполне возможно появление тех же мотивов (которые сопровождают процесс индивидуации, преимущественно и первую очередь только в сериях сновидений, полученных внутри аналитической процедуры) также и во "внеаналитических" сериях сновидений; только там, они, вероятно, происходят при значительно большей отдаленности друг от друга во времени.

Выше я уже упоминал, что толкование сновидений вкупе со всем прочим требует специального знания. Я допускаю, что интеллигентный дилетант, обладающий некоторыми психологическими познаниями, определенным жизненным опытом и посредством упражнений, в состоянии практически верно диагностировать компенсацию сновидений, и

полагаю, совершенно исключенно, чтобы тот, кто не обладает познанием в области мифологии и фольклора, знанием психологии примитивов и сравнительной истории религии, был в состоянии понять сущность процесса индивидуации, того процесса, который, судя по всему, что нам известно, лежит в основе психологической компенсации.

Не все сновидения имеют одну и ту же важность. Уже примитивы разделяли "малые" и "великие" сновидения. Мы бы даже сказали "незначительные" и "значительные" сновидения. При более пристальном рассмотрении "малые" сновидения суть еженощные фрагменты фантазии, которые имеют свой исток в субъективной и личностной сфере и которые исчерпываются — что касается их значения — повседневностью. Поэтому такие сновидения столь же легко и забываются, поскольку их действенность не распространяется дальше колебаний душевного равновесия. Напротив, многозначительные сновидения часто хранятся в памяти на протяжении долгого периода жизни, нередко они образуют самую сердцевину нашей сокровищницы душевных переживаний. Как часто я встречал людей, которые при первом же знакомстве не могли удержаться от того, чтобы не сказать: "Однажды мне приснился сон!" Нередко это было вообще первое сновидение которое они были в состоянии припомнить; оно появлялось между третьим и пятым годами жизни. Я исследовал много таких сновидений и нашел в них часто встречающуюся особенность, которая выделяет их из прочих сновидений. В них имеет место именно символическое образование, с которым мы сталкиваемся и в истории человеческого духа. Примечательно, что сновидец не имеет ни малейшего представления о существовании таких параллелей. Эта особенность выдает сновидения процесса индивидуации. В таких сновидениях содержатся мифологические мотивы, соответственно мифологемы, которые я обозначил как **архетипы**. Под ними понимаются те специфические формы и образные взаимосвязи, которые в соответствующей и неизменной форме встречаются не только во всех временах и далях, но также в индивидуальных сновидениях, фантазиях, видениях и бредовых идеях. Их частое появление в индивидуальных случаях так же, как и их этническая вездесущность, доказывает, что человеческая душа лишь в малой доле является уникальной, субъективной, или личностной, во всем прочем она коллективна и объективна¹.

¹Ср. мою работу [Jung] "Über die Psychologie des Unbewussten".

Именно поэтому мы говорим, с одной стороны, о **личном**, а с другой — о **коллективном** бессознательном; последнее представляет собой вроде как более глубокий слой по сравнению с личным, приближенным к сознанию бессознательным. "Великие", соответственно многозначительные, сновидения проистекают из этого более глубокого слоя. Их значительность выдает себя, несмотря на субъективный отпечаток, уже посредством их пластического очертания, которое нередко выказывает невиданную поэтическую силу и красоту. Подобные сновидения случаются большей частью в судьбоносные отрезки жизни, например, в ранней юности, в пубертате, около середины жизни (в период от 36 до 40 лет) и в *con-spectu mortis*. Их толкование часто сопряжено со значительными трудностями, потому что материал, который может привнести сновидец, весьма скуден и беден. В случае таких архетипических образований речь идет уже не о личном опыте, а в известной мере о всеобщих идеях, главное значение которых состоит в их своеобразном смысле, а не в какой-либо личной связанности и переплетенности переживаний. Одному молодому человеку приснилась, к примеру, **большая змея, которая в подземном склепе стерегла скорлупу**. Однажды, правда, он видел гигантскую змею в зоологическом саду, но помимо этого он был совершенно не в состоянии сослаться на что-либо (кроме воспоминания о сказочном повествовании), что могло бы дать ему повод к подобному сновидению. Если делать заключения на основе этого неудовлетворительного контекста, то сновидение, которое характеризовалось как раз весьма сильным аффектом, имело чуть ли не равноценное этому контексту, т. е. пустяшное, значение. Но тем самым нельзя было бы объяснить его явно выраженную эмоциональность. В подобных случаях мы должны свести мотив сновидения к мифологеме, в которой змея или дракон, убежище или нора изображают момент испытания в жизни героя. Тогда станет ясно, что речь идет о коллективной эмоции, т. е. о типичной,

аффективной ситуации, которая, в первую очередь, является не личным переживанием, а всего лишь вторичным по отношению к чему-то подобному. Первично же и прежде всего речь идет о всеобщей человеческой проблеме, которая субъективно была упущена и которая — вследствие этого — объективно проникла в сознание¹.

¹Ср. труд, изданный Karl Kerenyi и мною. "Einfuhrang in das Wesen der Mythologie". [Zur Psychologic des Kindarchetypus].

Человек в середине жизни ощущает себя еще молодым, старость и смерть еще далеки от него. Однако примерно в 36-летнем возрасте он переступает зенит жизни, не осознавая явственно значение этого факта. Теперь, если мы имеем дело с человеком, который соответственно всем своим наклонностям и дарованиям не выдерживает своего чересчур большого не-сознания, то ему, скорее всего, навязывается познание этого момента в форме архетипического сна. Тщетными будут его усилия понять это сновидение с помощью тщательно зафиксированного и запрототолированного контекста, ибо данное сновидение выражается в совершенно чуждых мифологических формах, которые сновидцу совершенно непривычны и которыми он не владеет. Сновидение пользуется коллективными фигурами, потому что оно должно выразить вечную, бесконечно повторяющуюся человеческую проблему, а не нарушение личного равновесия.

Все те мгновения индивидуальной жизни, когда общезначимые законы человеческой судьбы проламывают намерения, ожидания и воззрения, прорываясь в личное сознание, являются одновременно перевалочными пунктами процесса ин-дивидуации. Этот процесс и есть **спонтанное осуществление целого человека**. Я-сознающий человек означает только часть живой цельности, и его жизнь не представляет собой еще осуществления этой цельности. Чем более человек является только Я, тем больше отщепляет он себя от коллективного человека, которым он является с самого начала, даже тогда, когда противится этому. Поскольку, однако, все живущее стремится к своей целостности, то в нас, вопреки неизбежной односторонности сознательной жизни, постоянно происходят коррекция и компенсация со стороны всеобщей человеческой сущности с целью окончательной интеграции бессознательного в сознание или, лучше сказать, некой ассимиляции Я во всеохватывающую личность.

Подобные рассуждения неизбежны, если мы хотим воздать должное смыслу "великих" сновидений. Они используют как раз многочисленные мифологемы, которые характеризуют жизнь героя, т. е. того великого человека полубожественной природы. Здесь имеются опасные приключения и проверки испытанием, как это происходит при инициациях. Существуют драконы, помогающие животные и демоны. Мы встречаемся со старым мудрецом, человеком-зверем, сокрытым кладом, деревом желания, источником, пещерой, окруженным стеной садом, алхимическими процессами превращения и субстанциями и т. д., другими словами — с настоящими вещами, которые нигде не соприкасаются с банальностями нашей обыденной жизни. Это основа того, что речь здесь идет об осуществлении той частички личности, которой еще не было и которая только лишь готова стать.

Тот способ, каким подобные мифологемы появляются в сновидении, взаимно уплотняя и модифицируя друг друга, представлен на известной гравюре XV в., где изображается сновидение Навуходоносора¹. Хотя на картине представлено не что иное, как изображение того самого сновидения Навуходоносора, художник изображает его все еще спящим, — это становится очевидным, если внимательнее изучить детали. Дерево растет (совершенно антиисторически) из пупа царя: он есть, таким образом, то самое родословное древо прародителей Христа, которое выросло из пупа Адама, нашего праотца². Поэтому оно несет крону пеликана, который своей кровью питает питомцев, этой известной "allegoria Christi". Помимо этого пеликан образует ту Quincunx (пятую часть) с тетраморфом, — с четырьмя птицами, которые занимают место четырех символов Евангелистов. Та же самая Quincunx находится снизу, — олень как символ Христа³ с четырьмя животными, взирающими вверх и полными ожидания. Обе эти четверичности имеют самое ближайшее отношение к

алхимическому представлению: сверху — *volatilia*, снизу — *ter-rena*, первая изображается птицей, последняя — как *quadru-peda*. Итак, в это изображение образа сновидения проникло не только христианское представление о родословном древе и четвертичности Евангелистов, но также и (алхимическая) мысль об удвоенной четвертичности ("*superius est sicut quod inferius*")³. Эта контаминация живописует весьма наглядно, каким образом ведут себя индивидуальные сновидения по отношению к архетипам. Последние сгущаются, спутываются и перемешиваются не только между собой (как здесь), но и с уникальными индивидуальными элементами⁴.

1Дан. 4, 7 и далее.

2Дерево одновременно является алхимическим символом. Ср.: *Psychologie und Alchemie* [Paragr. 499] und a.a.O.

Олень — аллегория Христа, так как легенда приписывает ему способность самообновления. Так, *Honorius von Autun* пишет в *Speculum Ecclesiae* (col. 847): "*Fertur quod cervus, postquam serpentem deglutiverit, ad aquam currat, ut oer haustum aquae venenum ejiciat: et tunc corauam et excutiat et sie denuo nova recipiat*". (Это значит, что олень, после того как он проглотил змею, поспешил к источнику, чтобы там можно было глотком воды смыть яд, затем скинуть рога и шерсть и получить новые). В *Saint-Graal* (Hg. von Hucher. III. S. 219 и 224) рассказывается, что Христос иногда появлялся перед учениками как **белый олень** с четырьмя львами (= Евангелистами). В алхимии олень является аллегорией Меркурия (*Manget. Bibliotheca chemica. II, Tab. IX. Fig. XIII. und a.a.O.*), потому что олень может сам себя обновлять: *Les os du cuer du serf vault moult pour confortee le cuer hurmain*" (*Delatte. Textes latins et vieux fran9ais relatifs uax Cyridenes. P. 346*).

3То, что вверху, подобно тому, что внизу.

4Что касается используемых здесь алхимических понятий, см.: *Psychologie und Alchemie*.

Если сновидения порождают столь существенные компенсации, то почему они тогда столь невняты? Этот вопрос мне часто задавали. На это я должен ответить, что сновидение есть природное событие, и что природа не выказывает никакой склонности предоставлять в распоряжение свои плоды в некотором смысле безвозмездно, или в соответствии с человеческими ожиданиями. На это часто возражают, что компенсация будет недейственной, если сновидение не будет понято. Но это, однако, не так; ведь многое работает без того, чтобы быть понятым. Между тем несомненно, что мы можем — через понимание — значительно усилить действие, что нередко бывает крайне необходимо, так как бессознательное может остаться недослышанным, "*Quod natura relin-quit imperfectum, ars perficit!*" ("Что природа оставила недо-вершенным, довершает искусство!") — гласит алхимическое изречение.

Что же, в конце концов, касается облика сновидений, то в них, безусловно, имеется все: от молниеносного впечатления до бесконечной тягучести. И все же существует огромное число "усредненных" сновидений, в которых можно распознать определенную структуру; по правде говоря, она подобна структуре **драмы**. Сновидение начинается, к примеру, с **изложения места**, типа: "Я был на улице, это была аллея" (1); или "Я был в большом доме наподобие гостиницы" (2) и т. д. Затем часто следует изложение **действующих лиц**, к примеру: "Я пошел прогуляться с другом X в городской сад. На перекрестке мы внезапно столкнулись с фрау Y" (3); или "Я сидел с отцом и матерью в купе поезда" (4); или "Я был в униформе, вокруг меня было много сослуживцев" (5) и т. д. Изложение времени бывает реже. Я обозначил эту фазу сновидения как **экспозиция**. На этой фазе называют место действия, действующих лиц — и часто — исходное положение.

Вторая фаза — завязка. К примеру: "Я на улице. Это аллея. Вдалеке показался автомобиль, который быстро приближался. Он ехал на удивление неуверенно, я думаю, что шофер был вконец пьян" (1). Или: "Мне показалось, что фрау Y была в большом возбуждении и хотела мне что-то спешно шепнуть, что, очевидно, не должен слышать мой друг X" (3). Ситуация как-то усложняется, наступает некоторое напряжение, так как

неизвестно, что сейчас произойдет.

Третья фаза — **кульминация**, или **перипетия**. Здесь происходит что-то решающее, или что-то резко меняется, к примеру: "Вдруг в машине — **я**, оказалось, что я сам был этим подвыпившим шофером. Я был, конечно же, не пьяным, но на редкость неуверенным и вел себя словно без руля и без ветрил. Более я был не в состоянии удерживать быстро едущую машину и с грохотом врезался в стену" (1). Или: "Внезапно фрау У стала мертвецки бледной и рухнула наземь" (3).

Четвертая и последняя фаза — **лизис**, или **решение**, или **результат**, порожденный работой сновидения (существуют известные сновидения, в которых четвертая фаза отсутствует, что при некоторых обстоятельствах может составлять отдельную проблему, которую здесь не стоит дискутировать), к примеру: "Я вижу, что капот машины разбит вдребезги. Это чужая машина, совершенно мне неизвестная. Сам я без повреждений. С некоторой робостью и боязливостью я раздумываю о своей ответственности". (1). Или: "Мы думаем, что фрау У мертва. Однако это явно был только обморок. Друг Х кричит: "Я должен позвать врача". (3). Последняя фаза содержит изложение окончательного положения дел, которое

одновременно является также "искомым" результатом. В сновидении 1, очевидно, после определенной неуправляемой чересполосицы наступает некое новое раздумье, т. е. оно, по-видимому, наступит, так как сновидение является компенсаторным. Результатом 3-го сновидения является мысль, которая указывает, скорее всего, на необходимость помощи какого-то третьего компетентного лица.

Сновидец первого сновидения — мужчина, который немного потерял голову в трудных семейных обстоятельствах и не хотел бы, чтобы это дошло до крайности. Второй сновидец находится в сомнении, поступает ли он правильно, обращаясь за помощью по поводу своего невроза к психотерапевту. Этими сведениями, разумеется, не исчерпывается толкование сновидения, а лишь дается эскиз исходного положения сновидца. Это деление на 4 фазы можно применять без особых затруднений при анализе подавляющего большинства сновидений, встречающихся на практике, чем, вероятно, подтверждается тот факт, что сновидение по большей части имеет "драматическую" структуру.

Существенное содержание в деяниях сновидения, как я уже сказал выше, — что-то вроде тонко настроенной компенсации к известной односторонности, заблуждению, уклонению и прочей дефектности сознательной точки зрения. Одна моя истеричная пациентка, аристократка, которая казалась себе бесконечно и чрезвычайно изысканной, сталкивалась в своих сновидениях — подряд, на протяжении серии — с грязными рыбаками и пьяными проститутками. В экстремальных случаях компенсации становятся в такой мере угрожающими, что из страха перед ними наступает бессонница.

Сновидение может мучительнейшим образом дезавуировать или оказать, как кажется, моральную поддержку самым что ни на есть благожелательным способом. Первые сновидения встречаются особенно у тех людей, которые о себе высокого мнения (как упомянутая выше пациентка), вторые — у тех, которые считают себя никчемными. Иногда, однако, самопревозношение в сновидении не только не умиряется, но даже поднимается на невероятную высоту, вплоть до чего-то смехотворного, точно так же, как чрезмерное смирение — невероятно понижается ("to rub in it", как говорят англичане). У многих людей, которые знают о сновидениях и их значении, нечто, — вовсе, однако, недостаточное, — возникает (под впечатлением какой-то рафинированной и словно намеренно появляющейся компенсации) предубеждение, будто на самом деле сновидение имеет моральное намерение: оно предостерегает, порицает, утешает, предсказывает и т. д. Из-за этого полагают, что бессознательное знает все лучше, и легко склоняются к тому, чтобы приписать сновидению выводы, а затем, соответственно, разочаровываются, если сновидения ничего им не говорят. Мой опыт свидетельствует, что при некотором знании психологии сновидений легко наступает что-то вроде переоценки бессознательного, что вредит сознательной решимости. Бессознательное же функционирует удовлетворительно тогда, когда сознание выполняет

свои задачи на грани возможного. Чего же там недостает, сновидение, вероятно, в состоянии дополнить, или оно может помочь двигаться вперед только там, где самые усердные старания дали осечку. Если бы бессознательное на самом деле превосходило сознание, то решительно никак нельзя было бы уразуметь, в чем же тогда, в конце концов, состоит польза сознания, соответственно, почему вообще в филогенезе возникли феномены сознания как некая надобность. Если это всего лишь *lusus naturae*, то следовало бы признать: факт, что мы что-то знаем, что мир и мы сами существуем, не имел бы ровным счетом никакого значения. С этим воззрением все же трудно смириться, поэтому его акцентирования (по психологическим причинам) следовало бы избегать, даже если бы это и оказалось верным, что, впрочем, по счастью, никогда не удастся доказать (так же, как и обратное!). Этот вопрос относится к ведению метафизики, в области которой не существует никакого вероятностного критерия. Вместе с тем, однако, ни в коем случае нельзя недооценивать тот факт, что метафизические точки зрения имеют величайшую важность для благополучия человеческой души.

При изучении психологии сновидений мы сталкиваемся с проблемами, далеко выходящими за пределы философии и даже религии; как раз феномен сновидения внес решающий вклад в понимание этих проблем. Однако мы не можем похвастать, что уже сегодня располагаем всеобщей и удовлетворительной теорией или каким-то объяснением этого труднопостигаемого явления. Нам все еще неведома сущность бессознательной психики. В этой области нужно проделать еще бесконечно много — терпеливо и без предубеждения — работы, которая никогда не может надоесть. Замысел любого исследования состоит ведь не в том, чтобы вообразить себе, будто в твоём распоряжении имеется единственно верная теория, а в том, чтобы, подвергая сомнению все теории, постепенно приближаться к истине.

Перев. Т. Ребеко

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

